

Лит.: Бунин И. Наш поэт // Возрождение. 1927. 4 авг.; Бунин И. Памяти Ивана Савина // Последние новости. 1932. 14 июля; Айхенвальд Ю. [Рец.: «Ладонка»] // Руль. 1926. 25 авг.; Женук С. К пятидесятилетию со дня смерти Ивана Савина // Новое русское слово. 1977. 13 июля; Полчанинов Р. Мечта о свободной России // Новое русское слово. 1987. 12 июля; Синкевич В. «Поэт белой мечты» // Записки Русской Академической группы в США. 1994. Т. 26; Лупырев А. Савин // Писатели Русского зарубежья: Лит. энциклопедия Русского зарубежья: 1918–1940. М., 1997; Леонидов В. [Предисл.] // Савин И. Мой белый витязь... М., 1998; Каркконен Э. У заветного предела: Творчество Ивана Савина // Рубеж. 1999. Янв.

В. В. Леонидов

САВИНКОВ Борис Викторович (псевдонимы В. Ропшин, Канин) [19(31).1.1879, Харьков — 7.5.1925, Москва] — прозаик, поэт, мемуарист, журналист.

Родился в дворянской семье. Детство и юность провел в Варшаве, где отец, чиновник Министерства юстиции, занимал должность судьи. Мать Софья Александровна (сестра художника Н. А. Ярошенко) писала рассказы, драмы. Автор воспоминаний о сыне (Годы скорби // Былое. 1906. Вып. 7; То, что было. 1917). Учился в 1-й Варшавской гимназии. В 1897 поступил на юридический ф-т Петербургского ун-та, откуда вскоре был от-

Б. В. Савинков

числен за участие в студенческих беспорядках. Пытался продолжить образование в Берлинском и Гейдельбергском ун-тах. В мае 1901 был арестован в Петербурге по социал-демократическому делу и заключен на несколько месяцев в Петропавловскую крепость, где написал рассказ **«Теням умерших»** (1902; публ. без имени автора).

Зимой 1903 был сослан в Вологду, где познакомился с Н. А. Бердяевым, А. М. Ремизовым. К этому времени относятся первые пробы пера. Послал М. Горькому свои рассказы, но получил отрицательный отзыв. Ремизов вспоминал: «Весь день Савинков смотрел устюжской тучей — вот хлынет дождь» (Ремизов А. Иверень // Modern Russian Literature and Culture. Berkeley, 1986. Vol. 7. P. 213). В этом же году московская газ. «Курьер» опубликовала рассказы С., подписанные псевдонимом В. Канин.

В июне 1903, увлеченный идеей террора, С. бежал из ссылки за границу, в Женеву, где вступил в боевую организацию партии социалистов-революционеров (эсеров), готовящую политические убийства. В боевой организации занимал положение «генерала» террора. Любопытно, что, только что став членом боевой организации, С. написал рассказ **«В сумерках»** (Революционная Россия. 1903. № 35; подпись Б. с-т). Герой рассказа — революционер, убивший сыщика, испытывает чувство отвращения и к себе, и к революционному делу. Греховность любого убийства станет ведущей темой писателя. Лит. творчество окажется своеобразным вызовом писателя-нигилиста не только революции, но и себе, находящемуся в постоянной оппозиции к своему революционному воплощению.

Принимал участие в самых известных террористических актах эпохи: убийство министра внутренних дел В. К. Плеве (1904) и великого князя Сергея Александровича (1905); готовил покушения на императора, министра внутренних дел П. Н. Дурново, московского генерал-губернатора В. Ф. Дубасова и др. А. Куприн писал, что С. не мог жить «без хождения по ниточке между жизнью и смертью, без громадных чувств напряжения и победы» (Русская газ. Париж. 1924. 1 окт.). Начиная с 1905 выступал как эсеровский публицист. Итогом этих очерков явились **«Воспоминания террориста»**, написанные в Париже в 1908–09, но в полном объеме опубликованные уже после Февральской революции (Былое. 1917. № 1–3; 1918. № 1–3, 12). В них намечены сюжеты и образы, воплощенные позже в прозе. С. еще не

завершил мемуары, когда Россию потрясло известие о провокаторстве руководителя боевой организации Азефа. Суд чести, на котором С. выступил горячим защитником Азефа, состоялся в Париже на его квартире (32, rue La Fontaine). В тот острый момент, когда общество было шокировано разоблачением Азефа, в свет вышла повесть Савинкова «**Конь бледный**» (Русская мысль. 1909. № 1), ставшая его лит. дебютом. Повесть поднимала вопрос о жгучей проблеме современности — о революционном насилии. Псевдоним В. Ропшин и название повести из Апокалипсиса предложила З. Гиппиус, считавшая С. своим «крестником». Реминисценции из Апокалипсиса обозначились как устойчивый мотив трилогии.

Повесть «Конь бледный» (первая часть трилогии о терроре) была воспринята читателями как диагноз пороков революционизированной интеллигенции. Вышедшая из-под пера знаменитого террориста, она явилась неожиданным ответом на вопрос, почему во главе революционной организации оказался предатель. В основе сюжета — реальный исторический факт: убийство эсером Каляевым великого князя Сергея Александровича. С. руководил этим покушением. Не случайно повесть написана в виде дневника руководителя террористической группы Жоржа. «Дублирование» собственной личности позволило С. подвергнуть анализу то, что составляло сущность его индивидуального сознания. Идейный замысел «Коня бледного» был взят из тезисов лекции Мережковского «О насилии», в основу которой легла статья Гиппиус «Революция и насилие» (1907). Критики отмечали, что такое впечатление, будто бы сам Мережковский прошелся по тексту карандашом. Со страниц повести прозвучало сильнейшее обличение революционного насилия. Образ палача Жоржа, «мастера красного цеха», как показал С., был психологически неизбежным выводом из террора. Это предельно обобщенный, доведенный до четкости типа, символический террорист, пришедший в террор ради собственного своеволия: «Я так хочу!» В. Крихфельд отметил родство Жоржа и Азефа: «почва, вспаханная Жоржем, как будто специально предназначалась для культуры „азефовщины“ в самом широком масштабе. Нет закона — нет преступления. Все дозволено» (Совр. мир. 1909. № 5. II отд. С. 82). Вынося моральные вопросы террора на широкое читательское обсуждение, С. показал, что не высокие идеи, а личная прихоть могут руководить поступками любого революционера. Палач Жорж может по-

тенциально присутствовать в любом террористе. Эсеры сочли повесть клеветнической. Теоретик террора В. Чернов прямо указал на то, что Жорж — это «загримированный сколок с автора» и что подобные герои не типичны для революционного «подполья» (Заветы. 1912. № 8. II отд.). Образ Жоржа развенчивал увлечение русского общества героем-террористом, решившим «положить жизнь за други своя».

В 1913 в Ницце С. написал продолжение повести «Конь бледный» — повесть «**Утром я подхожу к окну**» (первая публ. в 1994). Главный герой — «безработный террорист» Жорж. С. изобразил жизнь в эмиграции обломков эсерства, превратившихся в «обывателей третьего сорта».

Попытки С. возобновить террор после разоблачения Азефа окончились крахом. «Я разбил корабль о подводные камни, как плохой кормчий, нерадивый и недалководный» (ГАРФ. Ф. 5831). В нояб. 1910 он предстал перед судебно-следственной комиссией, расследующей дело Азефа. В «Заключении судебно-следственной комиссии по делу Азефа» (1911) С. был признан чуждым руководству партии. С. 1911 по 1916 он не жил, а существовал на руинах боевой организации. Осенью 1911 переехал в Италию, в Сан-Ремо. Выходом из ситуации бездействия и духовного кризиса стала работа над романом «**То, чего не было**» (Заветы. 1912. № 1–8; 1913. № 1, 2, 4). Сюжет романа построен на событиях первой русской революции, отраженной через судьбы трех братьев, дворян Болотовых, пришедших в террор. История кающегося террориста, «Гамлета революции», Андрея Болотова — это тот стержень, вокруг которого вращается сюжет романа. Расширив образы психологических типов террористов, С. ввел в роман тему бездеятельности «партийных вождей» и тему провокации как коренной болезни революционного «подполья». В. Полонский писал: «в романе отразилась революция, но отразилась, пройдя сквозь душевную призму Андрея Болотова, революционера кающегося, точнее, кающегося террориста» (Новая жизнь. 1914. № 3. С. 124). Болотов во время революции пришел к убеждению, что «кровь всегда кровь». Весь роман пронизан одной мыслью о том, что революционное убийство так же греховно, как и любое другое убийство. Муки, испытываемые Болотовым, — это следствие нарушения нравственного закона, и даже смерть самого террориста не является искуплением, «ибо горе тому, кто убил». Ро-

ман вызвал бурю негодования в революционной критике. Публикация романа на страницах эсеровского журнала вызвала возмущение эсеров, потребовавших исключения С. из партии. Их возмутила критика партийных вождей, прозвучавшая в романе. Лит. критика, напротив, отметила современность прозвучавшей в романе темы греховности насилия. Полемика по поводу романа влилась в русло споров о роли интеллигенции в революции. А. Измайлов откликнулся серией статей, вспомнив лит. дебют С., он писал: «Здесь все-таки яснее сам автор, открыта его душа. Из-за плеча одного, другого, третьего героя виднеется его лицо, бледное и встревоженное, и всюду слышится его трепетный шепот — „а кто дал тебе право убивать?“» (Биржевые ведомости. 1912. 1 мая). Критика единодушно выделила основную проблему романа: террор для главного героя Андрея Болотова — Голгофа.

Бунтарь, борющийся со злом, как виделось писателю-террористу, сам творил зло. Стих. С., написанные в 1911–16, отразили трагическое мироощущение С. Лирический герой С. — герой нищеванского типа, стоящий как и сам автор, «по ту сторону добра и зла». Свою роль в терроре, подражая символистской интерпретации революционной эпохи, С. в поэтической форме изображал как явление одного из духов Апокалипсиса-Аваддона-губителя: «Я, всадник, острый меч в безумье обнажил, / И Ангел Аваддон опять меня смутил. / Губитель прилетел, склонился к изголовью / И на ухо шепнул: „душа убита кровью“» (Ропшин В. Книга стихов. С. 5). Часть стих. была опубликована в ж. — «Голос жизни», «Эпоха», «Грядущая Россия». В 1931 сб. стих. С. был подготовлен З. Гиппиус для публикации. В предисл. Гиппиус писала, что в поэзии, как и в прозе, отразился весь С. «со всей жизнью, с ее центральным трагическим острием» (Ропшин В. Книга стихов. С. 8).

В 1914 С. живет на юге Франции, в Альпах, в городке Жуан-Ли-Пен, где его застала весть о начале Первой мировой войны. При содействии Мережковских в 1915 он стал корреспондентом ряда петербургских газ.: «Биржевые ведомости», «День», «Речь». Патриотическая позиция С. резко расходилась с революционерами всех оттенков. Он чувствовал себя «очень русским» и считал, что в такое время нужно прекратить революционную деятельность, ведущую Россию к поражению в войне. В это время он жил в Париже и каждый «франк зарабатывал пером». «За направление моих статей меня ругают

нещадно, стоустно и на всех перекрестках», — писал он в мае 1915 З. Гиппиус (РНБ. Ф. 481). Военные очерки С. составили книгу «**Во Франции во время войны**» (1916–17). В «Ниве» и «Ежемесячном ж.» постоянно появлялись военные рассказы С., которые он писал «с быстротою молнии» и «исключительно ради куска хлеба». В этот период он познакомился с К. Бальмонтом, М. Волошиным, И. Эренбургом. В парижском кафе «Ротонда», где собирались художники и литераторы, его называли «человек в котелке». Он воспринимался как легендарный герой прошлого.

Но все эти годы С. жил с чувством, что у него «перебиты крылья». Это время политического бездействия, подготовившего бурный всплеск энергии после Октябрьской революции. Его воскресила весна 1917. Отречение Николая II от престола стало «счастливейшим» днем в жизни. В апр. 1917 он возвращается в Россию и вновь появляется на политической арене. Он пишет З. Гиппиус: «Писать, конечно, буду, но не сейчас. Сейчас одно — молитва за Россию» (РНБ. Ф. 481). Он «всей душой с Керенским», который назначает его комиссаром 7-й армии Юго-Западного фронта. Публицистическая книга «**Из действующей армии**» (1918) — первые впечатления от революционной России. В июле 1917 С. занимал пост главы Военного министерства. ореол сильной личности, способной спасти Россию, вновь окружает его имя. М. Волошин был убежден, что судьба хранит С. для роли «чрезвычайной» и что он скажет «одно из последних слов в русской смуте» (Волошин М. Избранное. Минск, 1993. С. 380). Наряду с Керенским и генералом Корниловым С. претендовал на диктаторскую власть. Корниловский мятеж привел к отставке С. и его исключению из рядов эсеровской партии (**К делу Корнилова**. Париж, 1919). Тезис С.: «Против большевиков — хоть с чертом!» Книга очерков «**Борьба с большевиками**» (1920) отражала деятельность С. после Октябрьской революции.

Политические установки С. после 1917 резко поменялись. Он больше патриот-борец за единую Россию, чем революционер. В 1918–19 он представлял в Париже интересы правительства А. В. Колчака, возглавляя бюро печати «Унион». Советско-польская война привела С. в Варшаву. В 1920–21 он возглавлял Русский политический комитет, в котором видел зародыш нового русского правительства. В Варшаве вместе с Мережковскими, Д. Философовым и М. Арцыбашевым издавал газ. «За свободу!». З. Гиппиус

видела в С. единственного вождя революции, способного победить большевиков. Разорвав с Белым движением, он провозгласил себя вождем «зеленых», т. е. крестьян-повстанцев. Апологи этого движения был посвящен сб. статей **«На пути к Третьей России»** (1920). Но в окт. 1920 С. был выслан из Польши. В 1922–23 встречался с Б. Муссолини, рассчитывая получить поддержку для продолжения антибольшевистской борьбы. Жил в Праге, Лондоне. Белое движение относилось к нему с недоверием из-за дореволюционного прошлого. А эсеры не могли ему простить лит. творчества. В итоге он оказался в Париже в полной изоляции от русской колонии: «Я сел писать „Коня вороного“, тогда я отошел от всех дел и забился в щель» (**Перед военной коллегией Верховного суда СССР**. М., 1924. С. 9).

Осмыслением пережитого во время Гражданской войны стала повесть **«Конь вороной»** (1923). Форма повествования (дневник героя), вкрапленные в текст фрагменты «Коня бледного» подчеркивали единую сюжетную линию трилогии с главным героем Жоржем. Сюжет повести отталкивается от реальных событий Гражданской войны, а образы — от конкретных лиц. С. подчеркивал, что повесть не является автобиографией, но она и не измышление: «Я описывал либо то, что пережил сам, либо то, что мне рассказали другие» (Конь вороной. Л., 1924. С. 11). Основной сюжета первой части стал поход армии генерала С. Н. Булак-Балаховича осенью 1920 на Мозырь (С. командовал тогда Первым полком); второй части — поход полковника С. Павловского, друга С., прототипа полковника в повести; третьей части — это описание работы Павловского в советской Москве, куда его отправил С. в действительности в 1923. Тема повести — неотвратимость кровавой бойни на новом витке революционного насилия, когда «кровь до узд конских» затопила Россию. Террорист Жорж превратился в жестокого полковника, яростно уничтожающего свой русский народ. Название повести вновь из Апокалипсиса, который теперь накладывался на кровь и ужас Гражданской войны. Появившиеся в печати критические отзывы на «Коня вороного» были немногочисленны.

В авг. 1924 С. пытался нелегально перейти границу СССР, но был арестован и предан суду. На суде безоговорочно признал советскую власть и был приговорен к расстрелу, замененному заключением сроком на 10 лет. В тюрьме С. написал верноподданнические рассказы, изобразив в сатирических тонах

жизнь русских эмигрантов (**Рассказы**. М., 1924). 7 мая 1925, согласно официальной версии, С. покончил жизнь самоубийством: «Не раз бросался Савинков вниз головой в постоянно манившую его бездну смерти, пока не разможил своего черепа о каменные плиты, выбросившись из окна московской тюрьмы ГПУ» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 366).

Прожив бурную жизнь, С. стал прототипом героев ряда романов. Он — «неуловимый» террорист Дудкин, действующий по указанию главного провокатора, в романе А. Белого «Петербург». Под своим собственным именем С. присутствует в романе А. Ремизова «В розовом блеске». Он один из главных действующих лиц романа Р. Гуля «Азеф».

Соч.: Во Франции во время войны. Ч. 1–2. М., 1916–17; Рассказы. М., 1924; Ропшин В. Книга стихов. Париж, 1931; Борьба с большевиками // Лит-ра Русского зарубежья. М., 1990. Т. 1; Избранное. Л., 1990; То, чего не было. М., 1992; Неизвестная рукопись. Знамя. 1994. № 5.

Лит.: Амфитеатров А. Конь бледный // Амфитеатров А. Заметки сердца. М., 1909; Чернов В. Две бездны // Заветы. 1912. № 8; Вендзягольский К. Савинков // Новый ж. 1962. № 68, 70; Жуков Д. Б. Савинков и В. Ропшин. Террорист и писатель // Таинственные встречи. М., 1992; Мережковский Д. Конь бледный // Мережковский Д. Большая Россия. Л., 1991; Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. Кн. 1. М., 1999; Гиппиус З. Революция и насилие // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М., 1999; Могильнер М. Конь бледный // Могильнер М. Мифология «подпольного человека». М., 1999; Письма З. Гиппиус к Б. Савинкову: 1908–1909 годы // Русская лит-ра. 2001. № 3; «Религиозная общественность» и террор // Русская лит-ра. 2003. № 4; «Революционное христианство» // Русская лит-ра. 2005. № 1.

Е. И. Гончарова

САВИЧ Овадий Герцович [17(29).7.1896, Варшава — 19.7.1967, Москва] — прозаик, переводчик.

Родился в интеллигентной семье, вырос без отца (родители рано разошлись) и с детства был погружен в книги. Первой публикацией С. стали стихи в альм. «Альфа» в 1915. В том же году С. поступил на юридический ф-т Московского ун-та, но, влюбленный в театр, вскоре перешел на сцену и был профессиональным актером до начала 1920-х. В 1922 уехал за границу, где познакомился с И. Эренбургом, став его самым близким другом до конца жизни. Находясь постоянно